

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Т. А. Бажан

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Статья посвящена проблеме использования исторического опыта дореволюционной России в совершенствовании государственной политики в миграционной сфере. В ходе многовекового процесса становления и развития полинационального и поликультурного общества был накоплен обширный и уникальный интеграционный опыт. Обеспечивались единство и целостность страны, ее развитие, геополитические интересы. В целом политика Российской империи отличалась последовательностью в решении вопросов внутренней и внешней миграции, четким пониманием целей, направленных на обеспечение интересов страны. Действенная государственная система давала возможность эффективно помогать мигрантам, контролировать их пребывание, регулировать миграционные потоки, обеспечивать дифференцированный подход к различным категориям иностранцев и внутренних переселенцев. Реализацию современной миграционной политики России осложняет малоэффективная система социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных мигрантов, которая нуждается в существенной оптимизации и создании централизованной инфраструктуры. Объективное и критическое осмысление автором отечественного опыта прошлых эпох может существенно обогатить научное обеспечение миграционной политики на современном этапе, а также восребованную систему полноценного включения мигрантов в принимающий социум.

Ключевые слова: миграционная политика, адаптация мигрантов, интеграция мигрантов, инфраструктура для адаптации и интеграции мигрантов, переселение, интеграционная политика, государственное управление, исторический опыт.

CONCERNING FOREIGN MIGRANTS' INTEGRATION IN RUSSIAN EMPIRE

Tatyana A. Bazhan

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The article deals with the possibility to use historical experience of pre-revolutionary Russia to develop state policy in the migration sphere. During centuries of multinational and multicultural society formation a vast and unique integration experience was acquired. It promoted unity and integrity of the country, its development and geopolitical interests. In general policy of Russian empire demonstrated consistency in resolving problems of home and foreign migration, clear understanding of goals aimed at ensuring country's interests. The effective state system gave an opportunity to help migrants, to control their stay, to regulate migration flows, to provide differentiated approach to various categories of foreigners and internally displaced persons. Today's migration policy in Russia is more complicated as we have an ineffective system of social and cultural adaptation and integration of foreign migrants, which requires serious optimization and building the centralized infrastructure. The objective and critical interpretation of home experience of the past carried out by the author could enrich academic support of migration policy at the current stage and create the efficient system of migrants' inclusion in the host society.

Keywords: migration policy, migrants' adaptation, migrants' integration, infrastructure for migrants' adaptation and integration, displaced persons, integration policy, state administration, historical experience.

Миграция – явление древнее, сложное и проблемное. В каждую эпоху меняются причины, заставля-

ющие людей оставлять обжитые пространства, цели, которые они преследуют в новых местах обитания, способы экстеррито-

риального перемещения, а также точки назначения. Время меняет и специфику вхождения (интеграции) пришельцев в новое социокультурное пространство. При изучении современных проблем миграции и интеграции, связанных с одной и той же исторически устойчивой социальной общностью, уместно ли использовать исторический подход? Данный вопрос особенно актуален, когда речь идет о выработке государственной политики и соответствующей практики.

Существует две версии его решения. Первая версия, *делая акцент на уникальности текущего момента и унифицирующей роли мировых трендов, игнорирует историческое*. Такая позиция интересна, методологически удобна и экономична. Отпадает необходимость тратить время и силы на изучение предыстории тех или иных миграционных и интеграционных феноменов и их эволюцию, принимать во внимание глубинные интеграционные механизмы социума, обеспечивавшие его целостность и устойчивость. При этом источником для принятия управленческих решений, как правило, выступает опыт передовых стран, нередко мифологизированный.

Такой подход, активно поддерживаемый мировым сообществом, на деле оказывается малоэффективным для управления реальной миграционной ситуацией. А последняя развивается крайне противоречиво и плохо согласуется с логически красивыми идеальными конструкциями. При этом доминирующая модель международной миграции, уверенно воспринятая и в России, инициирует невиданный размах ее нелегального сектора, колоссальную эксплуатацию дешевой и бесправной рабочей силы. В результате развиваются две опасные тенденции: криминализация миграции и вытеснение государства из сферы управления миграционными процессами.

Преувеличение новизны в трактовке миграции соблазняет политиков и ученых на подмену долгосрочной миграционной политики сиюминутным и, как правило,

непоследовательным реагированием на неуправляемые события, «залатыванием дыр», стремительно образующихся в связи с хаотичным притоком иностранцев. В свое время Е. В. Тюрюканова в междисциплинарном учебном пособии¹ назвала такой подход, охватывающий лишь поверхность сложнейшего социального явления и игнорирующий его конкретно-исторический контекст, ситуативным, или позитивистским. Более жесткое определение предложено П. Коллиером: «политика паники» [6. – С. 22].

Вторая версия решения вопроса об историческом в понимании сложного и проблемного социального явления миграции *исходит из необходимости рассмотрения социума в качестве сложной открытой системы и учета его глубинных жизнеобеспечивающих интеграционных механизмов*. Такой подход вынужден уделять более серьезное внимание истории вопроса, стремиться к постижению особенностей генезиса, развития системы, придавать особое значение пониманию ее устойчивости и самодостаточности. Единство исторического и логического в процессе научного обеспечения государственной политики в области миграции и интеграции позволяет:

- 1) избежать сиюминутных теоретических соблазнов;
- 2) критически воспринять популярные идеологемы, не всегда пригодные для российских реалий;
- 3) как минимум не игнорировать собственный опыт, накопленный в ходе многовекового развития российского общества.

Собственный исторический контекст даст возможность объективного и объемного видения миграции в качестве целостного социального явления, во всем многообразии его причин, проявлений и воздействий на социум. Такой подход к научному постижению данного явления позволит

¹ См.: Методология и методы изучения миграционных процессов : междисциплинарное учебное пособие / под ред. Ж. А. Зайончковской и др. – М. : Центр миграционных исследований, 2007. – С. 98–124.

создать и эффективную систему адаптации и интеграции мигрантов в российское общество.

Позитивистская (по определению Е. В. Тюрюкановой) доминанта очевидна в российской миграционной политике, напоминающей порой не управление миграционными процессами, а импульсивное приспособление государственной машины к меняющимся миграционным реалиям. Отчасти это происходит потому, что в данной сфере государство, «решая вопросы привлечения мигрантов, расселения их в различных регионах и другие вопросы, связанные с проведением миграционной политики, крайне слабо использует богатейший российский опыт, накопленный в этом направлении на протяжении практически трех веков в самых различных социально-экономических и общественно-политических условиях» [4. – С. 165].

Хаотичность действий и недооценка собственного опыта наиболее характерны для особого среза миграционной политики – политики в области интеграции иностранных мигрантов в российское общество.

В документах стратегического планирования (федеральных и региональных) признается необходимость работы по социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов. Различным аспектам данной проблемы посвящено значительное количество научных работ (Т. Н. Юдиной, В. И. Мукомеля, С. В. Рязанцева, В. Ю. Леденевой, Л. В. Андриченко и др.).

Вопросы миграционной политики дореволюционной России также широко исследовались в отечественной науке (Г. Г. Писаревский, А. А. Кауфман, В. В. Оболенский, О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, Ю. В. Рощин, Н. М. Ядринцев и др.). Вместе с тем интеграционные меры, свойственные миграционной политике России в указанный период, анализ их особенностей и результатов, а также возможность применения таковых в наши дни нуждаются в дополнительных научных исследованиях. Видимо, невнимание к собственному исто-

рическому опыту обусловило тот факт, что смысл и цели интеграции, ее стратегические задачи и методы их решения обозначаются довольно размыто, а ее материальная база (инфраструктура) до сих пор не стала системой [2].

Апеллируя только к чужому опыту, стратегически и тактически определиться с интеграцией иностранцев невозможно. Необходимо обратиться к собственному прошлому, к тому, что было накоплено полинациональным и поликультурным обществом на протяжении его многовековой истории.

Российский путь расширения жизненного пространства уникален. Он исключал европейский вариант колонизации, сопровождавшийся уничтожением населения, разграблением захваченных территорий, работорговлей (бизнес на рабах не был частью российской экономики). Особенности географического положения нашей страны, ее геополитические интересы заставили многонациональную Россию довольно рано выработать собственные интеграционные механизмы, которые обеспечивали государственное единство, а также сохраняли этнокультурное многообразие общества, поэтому не делалась ставка и на насильственную ассимиляцию. Население присоединенных земель, отдельные группы иностранцев, стремившихся быть принятыми в российское подданство, органично включалось в общегосударственную систему.

Вполне закономерно, что многочисленные народы, вошедшие в российский мир, не только сохранили национальное самосознание, культуру, язык и традиционную религию, но и весьма многое приобрели благодаря щедрому вниманию российского государства. Одни народы обрели собственную письменность, сохранили самобытность через систему образования; другие получили защиту от врагов и избежали участи исчезновения; третьим удалось шагнуть в новый социально-экономический этап развития, приобретая транспортную и городскую инфраструктуру.

туру, системы здравоохранения и образования, собственную науку. Более того, политика государства обеспечивала защиту общества от межнациональных и межрелигиозных войн, встраивая (интегрируя) новые группы населения в свое социальное, экономическое и правовое пространство.

Растущее Древнерусское государство было привлекательно для иноземцев и в ранние периоды своей истории. «До XV в. условия для переселения были весьма выгодны: иноземцы могли селиться в России, находя обеспечение свободы религии и получая одинаковые права с русскими» [17. – С. 672].

По мере изменения политической ситуации менялись и легкость вхождения иноземцев в русский мир, и набор предпочтений, и само количество принимаемых иностранцев. Уже при Иване III и его внуке Иване IV в Москве трудились иностранные зодчие, лекари, ремесленники. Это были немцы-лютеране, греки и другие иностранцы.

Довольно рано сформировались основные принципы приема иностранцев: им предоставлялось право работать и жить в соответствии со своими традициями и обычаями, но не заниматься прозелитизмом. Принципы российской интеграционной политики в отношении иммигрантов в целом сохранялись в Российском государстве вплоть до 1917 г. [4].

Помимо материального благополучия иноземцы стремились обрести на русской земле защиту и безопасность. Индивидуальное переселение отдельных представителей южных славян, поступавших на государственную службу, было известно давно. Например, «...начиная с XVI в. и особенно в XVIII в. шел постоянный процесс переселения вначале отдельных лиц, а затем и целых групп болгарских беженцев. Они селились в основном в различных местах южных областей империи. Часть из них служила в войсках, но большинство оседало на предоставляемых им свободных

землях и занималось земледелием, ремеслами и торговлей» [9].

Военные поселения иноземцев стали появляться на южной и восточной окраинах Московского государства в XVII в. Они были предназначены для защиты населения от набегов крымских татар и других кочевников, занимавшихся работоторговлей и грабежами [17. – С. 663–672]. Позднее, в XVIII–XIX вв., поселения иностранцев создавались и на иных пограничных направлениях. Жителями таких поселений становились славяне, ранее проживавшие в Австрии и на землях, находившихся под властью Турции [14].

В царствование Петра I процесс переселения начинает приобретать более организованный и массовый характер. Вселение иностранцев происходило только на тех землях, которые специально выделялись для этого государством. Иностранные специалисты привлекались к труду в тех сферах, где они были востребованы.

Елизавета Петровна продолжила политику привлечения «представителей единоверных народов» для охраны и заселения южных областей Российского государства. Манифест от 24 декабря 1751 г., указ Сената от 24 апреля 1752 г. установили достаточно привлекательные преференции для иностранцев, желавших заселять приграничные территории. В итоге в 1752 г. 16 000 выходцев из Сербии стали жителями южных территорий, образовав пехотный и гусарский поселения-полки. В этот же период активизировалось переселение болгар [9].

Манифесты Екатерины II (от 4 декабря 1762 г. и от 22 июля 1763 г.) предлагали переселенцам свободный выбор места поселения, подтверждали свободу их вероисповедания. В пункте 6 Манифеста 1763 г. указывалось: «...всем прибывшим в Империю Нашу на поселение иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно, а желающим, не в городах, но особыми на порожних землях, поселиться колониями и местечками, строить церкви и колокольни,

имея потребное число притом Пасторов и прочих церковнослужителей...» [8. – С. 313–314].

Компактные поселения получали право самоуправления: «...поселившимся особыми колониями и местечками, внутреннюю их юрисдикцию оставляем в их благоустройство, с тем, что Наши начальники во внутренних распорядках никакого участия иметь не будут». Промышленники и купцы получали поддержку своему делу: «...всякое потребное сделано будет вспоможение по мере каждого состояния, усматривая особливо надобность и пользу вновь заводимых фабрик и заводов, а иначе таких, коих до ныне в России еще не учреждено» [8. – С. 314].

К концу XVIII в. законодательство устанавливало общие правила въезда, выезда, натурализации, юрисдикции, владения имуществом и отправления религии. Таким образом, произошла институализация процесса принятия иностранцев в российское подданство. Принимая подданство, иностранец, как правило, терял право на свободный, без специального разрешения, выезд за рубеж. (В данном случае оговорка «как правило» не случайна: отдельные категории новых подданных не утрачивали права свободного выезда из страны.)

Как и в наши дни, в XVI–XVIII вв. стать российским подданным «было достаточно легко по сравнению с натурализацией в странах Западной Европы» [7. – С. 15].

Достаточно эффективной была система государственного контроля за пребыванием иностранцев. Она же содействовала их интеграции в общество. К функциям таковой относились выплата денежных средств, обеспечение условий для полноценного социального, экономического и духовного существования новых подданных, поддержание порядка в их среде. Тем самым обеспечивался баланс интересов и неконфликтного сосуществования местного населения и приезжих.

«В целях регулирования миграционных процессов и оказания помощи переселенцам государство разработало и проводило в жизнь ряд мер. Меры видоизменялись в зависимости от направления государственной миграционной политики и от

территории вселения переселенцев. На реализацию переселенческой политики из казны направлялись огромные средства» [4. – С. 22].

Выработанные концептуальные подходы к политике переселения выстраивали систему экономических и административных мер и инструментов их применения, которые позволили достигнуть основной цели переселенческой политики – увеличить численность и плотность населения, ввести в хозяйственный оборот природные ресурсы осваиваемых регионов, создать экономический потенциал для дальнейшего развития, укрепить экономические и геополитические позиции империи [4. – С. 40].

Важно отметить, что государство умело регулировало миграционные потоки. Хаотичная концентрация иноземцев в неподходящих для этого местах была исключена. Статья 1 Свода учреждений и уставов о колониях иностранцев в Империи гласит: «Колонии иностранцев, поселенных в Российской империи, суть: 1) колонии, водворенные на землях казенных (а); 2) колонии, поселенные на приобретенных иностранными переселенцами в собственность землях (б) и 3) колонии, поселенные на частных землях, по договорам с их владельцами (в)» [16. – С. 359].

Процесс приема новых подданных был упорядочен государственными законами. Такой процесс охватывал весь цикл миграции: от принятия решения переселиться в Россию до полной интеграции в российское общество. Включение новых групп населения в принимающий социум происходило в соответствии с теми же сословными нормами, которые определяли порядок жизни населения империи.

Особые привилегии получали ученые, художники, крупные промышленники и торговцы. Иностранцам дворянам было обеспечено изъятие от телесных наказаний.

Делами иностранцев ведали государственные структуры. Вопросами иностранных переселений с 1763 г. ведала

Канцелярия опекунов иностранных (поселенцев), позднее, в 1797 г., – Экспедиция государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства при Сенате, которая в 1802 г. была передана в ведение Министерства внутренних дел [13].

Со временем система въезда и выезда на территорию России была упорядочена. Для въезда иммигранту был необходим национальный паспорт, который заранее визировался у дипломатического или консульского представителя России за границей. При пересечении границы в этом документе ставилась отметка с указанием даты. По приезде требовалось получить разрешение на жительство сроком на 3 месяца, а по истечении 6 месяцев можно было претендовать на обретение российского подданства.

Прибытие иностранцев, их проживание и деятельность контролировались властью. С одной стороны, такой контроль обеспечивал защиту интересов принимающего населения, а с другой – обеспечивал защиту прав иностранцев.

Иностранцы, поступавшие на российскую службу, получали «комплекс имущественных и личных неимущественных прав, который делал их пребывание в России комфортным» [7. – С. 5]. В целом имущественные права иностранцев были уравнены с подданными. При этом действовали механизмы, исключавшие прибытие иностранных подданных, если такое признавалось нежелательным (например, иезуитов) [17. – С. 848].

В XVIII в. в Россию прибыло около 100 тыс. иностранных переселенцев [5]. К концу столетия в России осели группы болгар, сербов, хорватов, греков, армян, немцев и др. Выходцы из Турции селились по Черноморскому побережью, где они основали ряд колоний, преимущественно земледельческого характера.

По неполным данным, которые приводятся в работе В. В. Оболенского, в период с 1828 по 1915 г. (88 лет) в России посе-

лилось более 4 152 000 иностранцев (таблица).

Прибытие иностранцев на постоянное место жительства в Россию*

Период	Количество мигрантов, тыс. чел.
1828–1860	263
1860–1900	2 638
1900–1915	1 251

* Источник: [11. – С. 106].

Две трети иммигрантов – в основном жители европейских стран – прибывали в Россию через западную границу: около 1,5 млн человек (35%) – германские подданные; 900 тыс. человек – австрийские подданные (галичане, поляки, чехи и др.). Третью по численности группу образовали румыны.

Одну треть из указанного количества составляли выходцы из Азии. Самыми многочисленными группами иммигрантов из стран Азии были персидские подданные (по численности почти равные австрийской группе), турецкие подданные (помимо турок это были этнические армяне, греки и др.) и выходцы из Китая.

В миграционном плане Россия была привлекательным государством для иностранцев. Иммигранты принадлежали к различным социальным и профессиональным группам. Это были ученые, педагоги, инженеры, организаторы производства, коммерсанты, ремесленники, крестьяне, промышленные и транспортные рабочие [11. – С. 114].

Необходимо отметить, что Российская империя принимала иностранцев не только по экономическим или военным соображениям, но и по соображениям гуманитарным. Так, гонимые в Персии последователи движения бахаи получили покровительство императорской власти и с 1882 г. стали селиться в Ашхабаде. К 1890 г. они составляли 10% от десяти тысяч населения города (1 000 чел.). В начале советского периода, когда традиционные религии народов России испы-

тывали серьезные гонения, религиозная организация бахаи процветала. К 1918 г. в Ашхабаде завершилось строительство первого каменного храма данного движения (Дом поклонения), там же действовали зал для собраний, дом для паломников, лечебница, кладбище, библиотека, две школы и два детских сада [1].

Невольно напрашивается сравнение дореволюционных и современных акций по переселению иностранцев в Россию. В 2006 г. наша страна позволила себе признать желательным добровольное переселение в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Но, по-видимому, боязнь нарушить политкорректность придала известной государственной программе такой вид, что за 14 лет ее действия в Россию прибыло всего около 800 тыс. человек. При этом официальная статистика обходит стороной вопрос, сколько из них действительно *переселились* в Российскую Федерацию, перевезли сюда свои семьи и проживают именно в тех регионах, которые выбрали в период получения статуса участника государственной программы, а сколько являются по сути обычными трудовыми мигрантами, снабженными российскими паспортами.

Кстати, дореволюционная Россия не менее последовательно и основательно занималась вопросами, которые сегодня именуются внутренней миграцией. В 1885–1913 гг. за Урал переместились 5 159 тыс. семейных переселенцев и ходяков. Число обратных (семейных) переселенцев составило 517 тыс. (14%). В период с 1883 по 1899 г. за Урал (Сибирь и Дальний Восток) переселились 1,4 млн крестьян [15. – С. 5].

Динамика переселения свидетельствует о постепенном росте масштабов. Наибольшая его величина пришлась на время проведения аграрной реформы П. А. Столыпина [10].

И внешние, и внутренние миграции предполагали серьезное государственное участие. Действовала продуманная система, которая обеспечивала актуальную по-

мощь переселенцам, защищала их права и интересы, не списывала противоречия в интересах коренного населения и переселенцев на мигрантофобию, а занималась их практическим решением.

Безусловно, исторический опыт привлечения иностранцев и их интеграции в российское общество достоин критического отношения. Так, в имперский период не обошлось и без известных теоретических заимствований, оказавших влияние и на миграционную политику. «Увлечение господствовавшими тогда теориями народонаселения и колонизационной политикой Пруссии и Дании было столь сильно, что от поселения в России иностранных колонистов ожидали для нее стольких благ, что наши передовые государственные деятели не останавливались ни перед какими жертвами» [12. – С. 53]. Население увеличивалось, но, вопреки ожиданиям, результаты переселения передовых европейцев в актуальные для заселения территории не всегда соответствовали ожиданиям. Вместо «особливо нужных земледельцев и пахотных людей... фабрикантов и мануфактурщиков» нередко из прусских пределов прибывали «городской пролетариат, оборванцы и пропойцы из разных слоев общества» [12. – С. 81].

Случалось, что набранные колонисты, получив кормовые деньги, скрывались перед самой посадкой на корабль, который должен был отвезти их в Россию. А те колонисты, которые отправлялись сухим путем, «забрав деньги на дорогу, редко на самом деле отправлялись в Россию» [12. – С. 79]. Позднее допущенные ошибки были учтены, и переселенческая политика осуществлялась более удачно.

Продолжалась государственная поддержка переселенцев, позволявшая адаптироваться к российским условиям и в последующем полноценно интегрироваться в принимающее общество. Около 300 семей меннонитов, переселившихся из района Данцига в Новороссию, получили право на «беспрепятственное отправление веры по их церковным положениям и обрядам»; по

65 десятин удобных и по 65 десятин неудобных земель (на семью); освобождение от всех податей на 10 лет, а «по прошествии 10-ти льготных лет определено и навсегда нерушимо утверждено было платить погодно за десятину от каждой фамилии по 15 копеек с вечным увольнением от подвод, постою и казенных работ» [12. – С. 164–165]. Кроме того, меннониты по их просьбе освобождались от воинской повинности, «чтоб они и их потомки уволены были в вечныя времена от всякой воинской службы, поелику положения их веры никак им не позволяют вступать в воинскую службу» [12. – С. 165]. Переселенцы получали денежные средства «на дорожное продовольствие и провоз», лошадей, повозки, помощь в обустройстве на новом месте. Помимо этого, семья колонистов могла рассчитывать на беспроцентную ссуду в размере 500 рублей на цели «вспоможения для заведения хозяйства» [12. – С. 165].

Привлечение иностранцев шло с учетом интересов населения. Переселенцам, как правило, предоставлялись никем не занятые участки земли. Иногда для них специально выкупалась земля у собственников. Порою складывалась мозаичная, но упорядоченная и контролируемая государством система расселения разнородного населения (Поволжье, Приуралье). «Неизменным оставалось одно: нигде местное население не лишалось своих земель и не переселялось в специально созданные резервации» [5. – С. 82].

Итак, Российская империя накопила немалый опыт целенаправленной миграционной политики, которая была направлена на укрепление общественного блага и обеспечение интересов различных слоев общества. В этой связи политика в области реальной интеграции мигрантов была органичной частью миграционной политики страны, имеющей ряд особенностей:

1. Миграционная политика носила достаточно последовательный характер. Государство, признавая, что стране необходимы иноземцы, последовательно создавало условия для таких переселений, учи-

тывая все их этапы (от формирования мотивации на переселение в странах исхода до создания правовых и материальных условий для первичной адаптации и последующей интеграции мигрантов в российское общество).

2. Преференции для иностранцев не ущемляли интересы местного населения. Мигранты могли селиться только на выделенных им свободных землях. Этот процесс носил строго упорядоченный характер.

3. Государство умело регулировать миграционные потоки, направляя их в незаселенные или малонаселенные регионы страны¹. (Этот принцип действовал при направлении как внешних, так и внутренних миграционных потоков.)

4. Адаптация к условиям мест заселения и последующая интеграция в социокультурное и правовое пространство страны обеспечивались системой действенной поддержки мигрантов, адекватной их потребностям.

5. Эффективная система государственного контроля за пребыванием иммигрантов обеспечивала (а не просто декларировала) их права, требуя выполнения определенных обязанностей. Был установлен четкий порядок легализации и пребывания в стране, обеспечено его обязательное исполнение и должное уважение со стороны иностранцев.

6. Наконец, привлечение иностранцев было дифференцированным. В его рамках учитывались этнокультурное происхождение, профессии, количество привлекаемых.

Для большой страны жизненно важной была доминирующая роль государства в

¹ Имели место и спонтанные переселения, которые не только не согласовывались с властью, но и нередко противостояли ей, например, переселения старообрядцев в XVII–XVIII вв. Их общины направлялись как на Восток (за Волгу, позднее в Сибирь и на Дальний Восток), так и на Юг (Северный Кавказ, Закавказье) и на Запад (Прибалтика, Восточная Европа). Были и примеры самостоятельного переселения сектантских общин (духоборы в начале XX в. переселялись в Закавказье, Канаду).

вопросах миграции и интеграции. Как отмечали известные российские исследователи миграционных процессов, «опыт России показывает, что решение проблем переселения возможно лишь при организующей роли государства на всех трех стадиях миграционного процесса, вплоть до обустройства. На последней стадии особенно важна была конкретная материальная поддержка переселенцев со стороны государства. Именно государство способно регулировать направления и объемы миграционных потоков и минимизировать элементы стихийности в этих процессах» [4. – С. 8].

Таким образом, интеграция новых подданных в российское общество не только имела существенную государственную поддержку и контроль, но и обеспечивала вхождение в новое для мигрантов общество на условиях принимающей страны.

К сожалению, многих успешных результатов миграционной политики из нашего прошлого до сих пор не удается достигнуть сегодня. Не обеспечено должным образом дифференцированное привлечение иностранцев и рациональное распределение миграционных потоков по территории страны (не говоря уже о масштабах незаконной миграции и нарушениях прав мигрантов). Об этом свидетельствует, например, Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, определяющая

идеологию миграционной политики Российской Федерации.

Не случайно сегодня трудно найти исследования, которые предлагали бы конкретные варианты использования опыта минувших эпох для оптимизации современной миграционной политики и консолидации российского общества. В этой связи представляется важным быть более внимательным к нашему историческому наследию в решении актуальных социальных проблем и его критическому осмыслению, обратиться в практической работе к тем приемам содействия адаптации и интеграции, которые работали исторически, дали свои плоды и объединяли российский социум в единое целое.

Многовековой опыт по приему иностранцев (иммиграция), органичное вхождение множества этнических групп в орбиту российского мира были результатом осмысленной, планомерной политики, которая соответствовала интересам страны, ее идеологии и перспективам в мировой истории. Этот опыт, к сожалению, сегодня мало востребован. А он таит в себе тот глубочайший смысл, без учета которого «изобретение велосипеда» в миграционной и интеграционной политике обречено на бездумное и непродуктивное подражание мировым трендам, которое чревато серьезными деструктивными последствиями для развития многонационального российского общества, его экономики и стабильности.

Список литературы

1. Аккерман Н., Хассел Г. Вера бахаи в России: Исторический очерк [Электронный ресурс]. – URL: https://bahai-library.com/russian/hist/bahai_russia.html (дата обращения: 08.07.2019).
2. Бажан Т. А. Вопросы инфраструктуры интеграции мигрантов в региональных планах реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. – 2019. – № 2 (18). – С. 91–100.
3. Булавина М. А. Правовое положение католической церкви в России в XVIII веке : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : ПАГС, 2008 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovoe-polozhenie-katolicheskoy-cerkvi-v-rossii-v-xviii-veke.html> (дата обращения: 23.06.2017).

4. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Миграционная политика России: история и современность : монография. – М. : Экон-Информ, 2016.
5. Кабузан В. М. Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. – 2004. – № 4. – С. 82–91.
6. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет мир / пер. с англ. Н. Эльдельмана. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2017.
7. Куприянова О. И. Правовое положение иностранцев в России в XVI–XVIII вв. : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010.
8. Манифест от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах» // Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. XVI. – С. 313–316.
9. Медведева О. В. Болгарские переселения в Россию в политике российского государства в XVIII – первой трети XIX вв. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolgarskie-pereseleniya-v-rossiyu-v-politike-rossiyskogo-gosudarstva-v-xviii-pervoy-treti-xix-vv> (дата обращения: 01.07.2019).
10. Моисеенко В. М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. – 2015. – Т. 2. – № 3. – С. 87–141. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/demograficheskoe-obozenie> (дата обращения: 01.07.2019).
11. Оболенский В. В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР : монография. – М., 1928.
12. Писаревский Г. Г. Очерки по истории иностранной колонизации в России в XVIII веке (по неизданным архивным документам) // Избранные произведения по истории иностранной колонизации в России. – М. : МСНК, 2011.
13. Поселения иностранцев в России до 1917 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://lexikon.wolgadeutsche.net/article/249> (дата обращения: 29.06.2019).
14. Рудяков П. Переселение сербов в Россию в 18 веке в контексте украинско-сербских исторических связей 18–19 вв. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rastko.rs/rastko-ukr/istorija/2003-ns/prudjakov.pdf> (дата обращения: 02.07.2019).
15. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию : монография. – М. : Экон-Информ, 2010.
16. Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в Империи // Свод законов Российской империи. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. – Т. XII. – Ч. II. – С. 359–396.
17. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. – СПб., 1898. – Т. XXIV-а.

References

1. Akkerman N., Khassel G. Vera bakhai v Rossii: Istoricheskiy ocherk [Bahá'í Faith in Russia: a Historical Sketch] [E-resource]. (In Russ.). Available at: https://bahai-library.com/russian/hist/bahai_russia.html (accessed 08.07.2019).
2. Bazhan T. A. Voprosy infrastruktury integratsii migrantov v regionalnykh planakh realizatsii gosudarstvennoy natsionalnoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Infrastructure Issues of Social and Cultural Adaptation and Integration of Migrants in the Regional Plans of Implementation of the State National Policy of the Russian Federation]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo* [Economy. Right. Society], 2019, No. 2 (18), pp. 91–100. (In Russ.).

3. Bulavina M. A. *Pravovoe polozhenie katolicheskoy tserkvi v Rossii v XVIII veke*. Diss. kand. yuridich. nauk [Legal Status of the Catholic Church in Russia in the XVIII century. PhD sci. diss.]. Moscow, RAGS, 2008 [E-resource]. (In Russ.). Available at: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovoe-polozhenie-katolicheskoy-cerkvi-v-rossii-v-xviii-veke.html> (accessed 23.06.2017).
4. Vorobeva O. D., Rybakovskiy L. L., Rybakovskiy O. L. *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost, monografiya* [Migration Policy of Russia: History and Modernity, monograph]. Moscow, Ekon-Inform, 2016. (In Russ.).
5. Kabuzan V. M. *Dvizhenie naseleniya v Rossiyskoy imperii* [Population Movement in the Russian Empire]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 2004, No. 4, pp. 82–91. (In Russ.).
6. Kollier P. *Iskhod: kak migratsiya izmenyaet mir* [Exodus: How Migration Changes the World], translated from English N. Eldelman. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara, 2017. (In Russ.).
7. Kupriyanova O. I. *Pravovoe polozhenie inostrantsev v Rossii v XVI–XVIII vv.* Diss. kand. yuridich. nauk [The Legal Status of Foreigners in Russia in the XVI–XVIII centuries. PhD sci. diss.]. Moscow, MGU im. M. V. Lomonosova, 2010. (In Russ.).
8. Manifest ot 22 iyulya 1763 g. «O dozvolenii vsem inostrantsam, v Rossiyu vezzhayushchim, poselyatsya v kotorykh Guberniyakh oni pozhelayut i o darovannykh im pravakh» [Manifesto of July 22, 1763. On Allowing all Foreigners Entering Russia to Settle in Which Provinces they Wish and the Rights Granted to them]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii, 1830, Vol. XVI, pp. 313–316. (In Russ.).
9. Medvedeva O. V. *Bolgarskie pereseleniya v Rossiyu v politike rossiyskogo gosudarstva v XVIII – pervoy treti XIX vv.* [Bulgarian Resettlement to Russia in the Policy of the Russian State in the XVIII – the First Third of the XIX centuries] [E-resource]. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolgarskie-pereseleniya-v-rossiyu-v-politike-rossiyskogo-gosudarstva-v-xviii-pervoy-treti-xix-vv> (accessed 01.07.2019).
10. Moiseenko V. M. *Krestyanskie pereseleniya v 1920-e gody (iz istorii migratsii v Rossii)* [Peasant Resettlement in the 1920s (from the history of migration in Russia)]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 2015, Vol. 2, No. 3, pp. 87–141. [E-resource]. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/journal/n/demograficheskoe-obozrenie> (accessed 01.07.2019).
11. Obolenskiy V. V. *Mezhdunarodnye i mezhkontinentalnye migratsii v dovoennoy Rossii i SSSR, monografiya* [International and Intercontinental Migration in Pre-War Russia and the USSR, monograph]. Moscow, 1928. (In Russ.).
12. Pisarevskiy G. G. *Ocherki po istorii inostrannoy kolonizatsii v Rossii v XVIII veke (po neizdannym arkhivnym dokumentam)* [Essays on the History of Foreign Colonization in Russia in the 18th century (based on unreleased archival documents)]. *Izbrannye proizvedeniya po istorii inostrannoy kolonizatsii v Rossii* [Selected Works on the History of Foreign Colonization in Russia]. Moscow, MSNK, 2011. (In Russ.).
13. *Poseleniya inostrantsev v Rossii do 1917 goda* [Settlements of Foreigners in Russia until 1917] [E-resource]. (In Russ.). Available at: <http://lexikon.wolgadeutsche.net/article/249> (accessed 29.06.2019).
14. Rudyakov P. *Pereselenie serbov v Rossiyu v 18 veke v kontekste ukrainsko-serbskikh istoricheskikh svyazey 18–19 vv.* [The Resettlement of Serbs in Russia in the 18th century in the Context of Ukrainian-Serbian Historical Ties of the 18–19 centuries] [E-resource]. (In Russ.).

Available at: <https://www.rastko.rs/rastko-ukr/istorija/2003-ns/prudjakov.pdf> (accessed 02.07.2019).

15. Rybakovskiy L. L., Kozhevnikova N. I. Otsenka vozmozhnykh i neobkhodimyykh masshtabov privlecheniya immigrantov v Rossiyu, monografiya [Assessment of the Possible and Necessary Scale of Attracting Immigrants to Russia, monograph]. Moscow, Ekon-Inform, 2010. (In Russ.).

16. Svod uchrezhdeniy i ustavov o koloniyakh inostrantsev v Imperii [Code of Institutions and Charters on the Colonies of Foreigners in the Empire]. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii, 1857, Vol. XII, Part II, pp. 359–396. (In Russ.).

17. Entsiklopedicheskiy slovar F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [The Encyclopedia Dictionary of F. A. Brockhouse and I. A. Ephron]. Saint Petersburg, 1898, Vol. XXIV-a. (In Russ.).

Сведения об авторе

Татьяна Алексеевна Бажан
доктор философских наук, ведущий
научный сотрудник научной школы
«Высшая школа публичной политики»
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: tbajan@mail.ru

Information about the author

Tatyana A. Bazhan
Doctor of Philosophy,
Leading Researcher
of the Higher School of Public Policy
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: tbajan@mail.ru